

К ВОПРОСУ ОНОМАСТИКОНА ДВУХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО

Виктория Лебович

(Eötvös Loránd Tudományegyetem, Budapest, leboviki@gmail.com)

Abstract

Hryhory Kvitka-Osnovyanyenko (1778–1843), is an Ukrainian writer and playwright, who is often referred to as the father of the Ukrainian prose, wrote a number of satiric dramas in Russian language in the second decade of XIX century. Kvitka-Osnovyanyenko's oeuvre is characterised by manifold and exciting usage of speaking names. The article is devoted to the literary onomastics of two dramas, the *Turkish shawl, or so it is* and *Shelmenko-volost clerk*.

Keywords: Ukrainian literature, Hryhory Kvitka-Osnovyanyenko, satiric drama, literary onomastics.

В очерках истории украинской литературы XIX ст. по поводу творчества Григория Квитки-Основьяненко Н.И. Петров уже в 1884 г. писал, что городская и сельская жизнь «наложили рѣзкую печать на произведенія нашего автора и раздѣлили ихъ на двѣ группы: къ первой относятся комедіи и нравоописательные романы его на русскомъ языкѣ, в которыхъ изображаются отрицательные типы изъ чиновничьей и дворянской среды» (Петров 1884: 90). В данной статье будет осуществлен литературно-ономастический анализ двух из этих комедий писателя.

В комедии *Турецкая шаль, или так водится* всего шесть действующих лиц, двум из которых автор дал весьма прозрачные говорящие фамилии. Пятидесятилетнему чиновнику Дмитрию Степановичу Доверкину, которого на днях повысят в должности и он станет статским советником. И Петру Лукичу Угодкину, выступающему в произведении в качестве приятеля дома Доверкина, в действительности же ухажеру-любовнику молодой жены чиновника Варвары Семеновны.

В начале комедии вставшая в первом часу дня Варвара Семеновна обсуждает с горничной Катей вчерашний бал, который по ее словам был «гнусной материей» и «очень скучным». Обсуждение бала сводится к двум темам: злословию по поводу присутствующих на

балу особ женского рода и ревности к одной из них, Звонкиной. Говорящие фамилии женщин, которым перебивают косточки, выполняют в произведении образотворческую функцию.

Сначала Варвара Семеновна осуждает княгиню Ветрову с ее одинаково одетыми дочерьми, молодящуюся пятидесятилетнюю, специально явившуюся на бал последней с целью произвести на всех впечатление даму. Оним явно призван дополнить отрицательную характеристику ветренной, по мнению Варвары Семеновны, особы. После Ветровой порицают осуждающую всех и вся, недовольную жизнью Татьяну Ильинишну Угрюмину. Острый язык Варвары Семеновны не щадит и попавшую в горестное положение, жалкую, проигравшуюся в карты «хохотунью», Наталью Дмитриевну Морковкину. А от протанцевавшей весь вечер с Угодкиным Звонкиной, – которую в произведении все называют лишь по фамилии, без имени и отчества, – у Варвары Семеновны только «несноснее начинает» болеть голова (см. Квитка-Основьяненко 1978а: 156–157).

Нефигурирующая в списке действующих лиц, однако многократно упоминаемая в произведении Звонкина превращается в своеобразный сюжетобразующий стержень, связывающий воедино все дальнейшие события комедии.

К Варваре Семеновне приходит и тут же уходит, сообщив радостную весть о повышении в должности, муж, у которого бойкая и нагловатая горничная Катя требует по этому поводу подарка для жены. Пришедшему вскоре после ухода мужа Угодкину Варвара Семеновна устраивает сцену ревности из-за Звонкиной, а стремящийся угодить ей ухажер все отрицает и клянется в любви. Тут подоспевает торговец из Бухары, и об облюбленной синей шали выясняется, что утром ее уже намеревалась купить Звонкина. Угодкин восклицает: «Звонкина давала две тысячи пятьсот? Даю три тысячи. Шаль точно славнейшая. Она моя» (там же, 164). После очередной сцены ревности по поводу того, что любовник Варвары Семеновны хочет купить шаль для Звонкиной, рождается хитроумное решение, позволяющее Угодкину сделать подарок чужой жене: меньшую часть цены за шаль заставят заплатить мужа, а большую часть позже отдаст Бухарцу ухажер. И Бухарец продает шаль Доверкину. Но тут на сцену выходит тетка Анисья Климовна (она всего на два года старше своего племянника Доверкина) с известием о том, что ее сын вечером идет сва-

тать Звонкину. При описании того, какие события привели к сватовству, Г. Квитка-Основьяненко первый раз вкладывает в уста Анисьи Климовны фразу, вынесенную в заглавие произведения: «У нас по Москве так часто водится» (там же, 173). Кстати, Анисья Климовна, которая приехала попросить Варвару Семеновну съездить с ней за подарком для Звонкиной, узнав о дешево купленной шали, хитро и настырно выманивает ее у Доверкина. А Бухарец, рассердившись на Угодкина, не желающего платить за принадлежащую уже Звонкиной шаль, раскрывает все карты перед Доверкиным. Подслушавшая же весь разговор Варвара Семеновна решает действовать по принципу «лучшая защита – нападение» и выигрывает. В этом ей снова помогает сцена ревности: Варвара Семеновна обвиняет мужа в том, что он изменяет ей не только с теткой Анисьей Климовной, но и со Звонкиной. Доверчивый Доверкин расстраивается, оправдывается, заверяет жену в любви, умоляя, падает на колени, уговаривает принять шаль и платит деньги «плюс сверх всего», чтоб Бухарец молчал, но про себя решает: «теперь примусь порядком присматривать за женою». Подслушавшая его слова горничная, второй раз повторяя вынесенную в заглавие произведения фразу, подводит итог: «Конечно! выпутавшись из беды, и мы будем осторожнее и станем хитрее тебя обманывать – так водится» (там же, 190).

Таким образом оним Звонкиной выступает в произведении в качестве предупреждающего звонка-сигнала о том, что сейчас что-то произойдет, что события произведения приобретут новый, неожиданный поворот. И звенит этот сигнал в произведении, вызывая и создавая неприятные последствия для кого-то из персонажей комедии. Вынесенное же в заглавие комедии «так водится» в устах горничной в конечном счете характеризует весь мир Доверкиных, Варвар Семеновн, Угодкиных и иже с ними, т.е. «отрицательных типов из чиновничьей и дворянской среды» (Петров 1884: 90).

В тексте комедии *Турецкая шаль, или так водится* также можно найти пример того, как при помощи вскольз упомянутого имени персонажа и буквально двух-трех незаконченных фраз Г. Квитка-Основьяненко создает характерный типаж современного ему общества и повествует целую историю. В начале второго действия Доверкин, возвратившись домой, старается получше использовать время и поработать. Чиновник достает прошение Зубатиной, рассматривает бумаги и

констатирует: есть уже указ Сената, есть заключение палаты, «Справлено... Отказано... апелляция в 1802 году. [...] Подано прошение в 1815 году...» (Квитка-Основьяненко 1978а: 168–169). Даже на основе этой далеко не обширной информации читателю становится ясно, что могут проходить годы, могут приниматься или отклоняться какие угодно решения и заключения, прошение подает женщина, которая раз уцепившись за что бы то ни было, больше никогда этого не отпустит.

Для творчества Г. Квитки-Основьяненко характерно возвращение к ранее созданным и упоминаемым в других его произведениях героям, во всяком случае на уровне имен персонажей, – и чаще всего это эпизодические персонажи, – данное явление прослеживается однозначно. Достаточно вспомнить мадам Гросваш, которая появившись в *Приезде из столицы, или Суматохе в уездном городе*, снова всклолзь упоминается в сатирической повести *Пан Халявский*, или квартального Грошехватова из той же комедии, перекочевавшего в комедию *Дворянские выборы, часть вторая, или Выбор исправника*. Да и сам волостной писарь, Кондрат Терентьевич Шельменко, образ которого Г. Квитка-Основьяненко будет развивать от произведения к произведению, впервые выступает в комедии *Дворянские выборы, часть вторая, или Выбор исправника*, чтобы со временем превратиться «популярнейшего в украинской драматургии всех времен героя» (Клековкин 1999). И. Айзеншток уже в 1931 г. писал: «Имя героя [...] – пройдохи Шельменко – стало нарицательным» (Айзеншток 1931: 167–168). Аллюзии и коннотации, скрытые в имени волостного писаря в значительно большей мере закодированны и раскрыты в комедии *Шельменко – волостной писарь*, чем во второй части *Дворянских выборов*, поэтому в данной статье будет представлен ономастический анализ произведения *Шельменко – волостной писарь*.

Г. Квитка-Основьяненко в своих произведениях дает героям говорящие имена с целью создания определенного комического эффекта, с целью предоставления возможности для дополнительных коннотаций и аллюзий при создании образа, а также в качестве дополнительной подсказки к роду занятий персонажа (см. об этом Лебович 2008; Lebovics 2002, 2008) как, например, в случае трактирщика Бутылочкина и члена врачебной управы Порошковского. Эти фамилии говорят сами за себя, дальнейшей характеристики автор своим

эпизодическим героям почти что не дает, да оно и не требуется. Но в уста трактирщика автор вкладывает важную реплику, раскрывающую значение онима главного героя комедии, волостного писаря и характеризующую его. Бутылочкин запомнил фамилию Шельменка, поэтому обращается к нему, используя своеобразный «синоним» фамилии с дополнительным объяснением значения слова: «Кажись ты, Канальин... [...] помню только, что твоя фамилия ругательная» (Квитка-Основьяненко 19786: 285–286). Шельменко конечно же отрицает это, хотя вся его жизнь, действия и слова свидетельствуют о том, что он пройдоха, обманщик и пройдомец: «Вона, будучи сказати, не ругательна нітрохи, в так іде від отця», — отвечает Шельменко (там же, 286). И с этим ответом трудно поспорить, но и опровержением слов трактирщика его считать не приходится.

Шельменко между прочим вспоминает о том, как хитро и подло он обошелся со своим соседом Гуляховским (еще один эпизодический персонаж, в имени и занятии которого раскрывается конкретный типаж современного Квитке-Основьяненко общества), который гнал и продавал самогонку (там же, 277).

Шельменко хвастается перед волостным головой Трофимычем тем, что он быстрее всех богатеет: пока другие чиновники разбираются с каким-либо делом и просителем, он «все до себе і загарба». Кроме того, он сеет раздор между людьми, чтобы они как можно чаще обращались в суд. На вопрос, что было бы, если бы его самого посадили в суд, Шельменко с полной уверенностью заявляет, что он «усіх би засідателів превзойшов» (там же, 281). Шельменко делится своим накопленным в разных инстанциях государственного управления опытом по поводу того, как нужно дела «поднимать вверх» или «опускать вниз», т.е. решать или откладывать в долгий ящик в зависимости от того, есть ли в деле «около чого руки погріти». А если «посилали діло на ревізію», в какую инстанцию государственного аппарата оно бы ни попадало, все решалось на основании того, куда загибалась «карлючка» в подписи секретаря: если вниз, то «уся що можна узято, більше нічого зідрать», если вверх «узято, та і вам зосталось». Рецепт Шельменка прост: «Се я ману пускаю!» и «...що знаєш, чого не знаєш — про все бреш, буцім знаєш, та злайся на писаніє...» (там же, 284–285). Речь Шельменка пересыпана этой брехней и бессмысленными ссылками на Святое Писание. Г. Квитка-Основьяненко

веселит читателя обилием пословиц, поговорок, фразеологизмов современного ему разговорного украинского языка. Научил «этой науке» Шельменка секретарь суда Прокип Микитович Грошолуп (укр. «сдирающий деньги»), к которому отец отдал его в науку. Фамилия Грошолуп является своеобразным украинским переводом русской фамилии Грошехватов.

Устами доброго губернатора, «над барамы барина, над господами господина», благодаря которому виновники будут наказаны, а справедливость и благодетель восторжествуют, Г. Квитка-Основьяненко (там же, 271) добавляет к характеристике волостного писаря еще два синонима, подчеркивающих значение онима: «По глазам, так ты целая шельма. Должен быть большой плут» (там же, 295). Таким образом, в имени главного героя пьесы отражено и закодированно основное в его жизни – обман.

Шельменко с Трофимычем, стремясь выставить себя в глазах вышестоящего начальства в лучшем свете, решили прибегнуть к обману, связанному с меной имен. Несмотря на то, что в те времена согласно правилам рекрутской повинности, которую несла не конкретная семья, а община в целом, и хозяйства с одним кормильцем, освобождали от набора, Шельменко с Трофимычем решили отдать в москали единственного сына Степаниды, вместо числящегося в списке сына семьи, члены которой частично поумирали, а частично сбежали из села.

Попавшему в губернию на рекрутский набор парню Шельменко морочит голову, втолковывая: «Ось бач: тебе зовуть Микитою, а ти по-письменному кажи, будучи, Микихвор. Прозиваєшся ти, козаче, Михайлов, а по-письменному треба-нада, стало бить, Миняйлов» (там же, 267), да еще убеждает, что Никите не 20 лет, а исполнилось уже 24 года (там же, 268). На что молодой человек, которого Г. Квитка-Основьяненко превращает в рупор типичных для его творчества дидактических наставлений о добрых и участливых к несчастной судьбе бедных украинцев высокопоставленных представителей власти, хоть и в форме вопроса, формулирует конкретное обвинение не только писарю, но и всей системе: «Почему из Никиты Михайлова должен стать Никифором Меняловым?» (там же, 269).

Третьим участником обмана, является должностное лицо, ведающее делопроизводством в приказе, т.е. повытчик, яркий предста-

витель мелких чиновников – пьяниц, пройдох и дармоедов, которого автор окрестил Чаркодуевым. Уже при первом появлении на сцене, когда волостной голова просит его дать профессиональное заключение о Никите, подходит ли он для их промыслов с писарем, Чаркодуев превратно понимает вопрос «Ну, Савастьян Ахремич, смотри, годится ли?» (там же, 273). Чаркодуев с жадностью набрасывается на стоящую на столе кружку, в которой оказывается, увы... лишь вода. Чаркодуев поясняет, что к пьянству он привык с детства, да и отец его так напутствовал: «Глупая привычка от малых ногтей и отцовская, на смертном одре заповедь – гм! – прежде дела – испить малу толику» (там же). Вот и интересуется его в жизни только одно – возможность выпить: он «выдувает» чарку за другой.

Идею, придуманную Шельменком, Чаркодуев ценит очень высоко, ему даже не верится, что такая мысль родилась в голове простого волостного писаря.

В создании образа Чаркодуева, представляющего «чиновный мирь, выкроенный по одной формѣ и возвышающийся надъ масою народа, если не образованіемъ, то, по крайней мѣрѣ, положеніемъ» (Петров 1884: 90), Г. Квитка-Основьяненко прибегает также к средствам самохарактеристики. Чаркодуев отказывается идти с писарем и головой в трактир к Бутьлочкину и отправляется на работу в приказ только для того, чтобы секретарь увидел, что он пришел трезвым. Но он скоро отправится вслед за писарем и головой, и если позже вернется в приказ уже в другом состоянии, на это никто внимания не обратит, так как с ним это случается ежедневно, объясняет своим собщникам Чаркодуев (Квитка-Основьяненко 1978б: 280).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ономастикон комедии *Шельменко – волостной писарь* вносит новые детали в «групповой портрет малороссийской „стратегической элиты“, который от пьесы к пьесе Квитка будет дополняться новыми, все более уродливыми фигурами, пока тема окончательно не иссякнет в последней его пьесе „Вояжеры“ ...» (Клековкин 1999).

ЛИТЕРАТУРА

- Айзеншток, И. 1931, Квитка Григорий Федорович. В: Луначарский, А.В. (отв. ред.), *Литературная энциклопедия, т. 5*. Москва: Изд-во «Коммунистической Академии», 166–169. – <<https://bit.ly/3iUY5L9>>
- Квітка-Основ'яненко, Г.Ф. 1978а, Турецкая шаль, или так водится. В: *Зібрання творів у семи томах: Драматичні твори. Рання проза, т. 1*. Київ: Наукова думка, 155–191.
- Квітка-Основ'яненко, Г.Ф. 1978б, Шельменко – волостной писарь. В: *Зібрання творів у семи томах: Драматичні твори. Рання проза, т. 1*. Київ: Наукова думка, 264–301.
- Клековкин, А. 1999, Шельменко как национальный герой. *День № 173, 21 сентября*. – <<https://day.kyiv.ua/ru/article/kultura/shelmenko-kak-nacionalnyu-geroy>>
- Лебович, В. 2008, К вопросу литературной ономастики в произведениях Г. Квитки-Основьяненко. *Hungaro-Ruthenica IV*. Szeged, 121–129. <http://acta.bibl.u-szeged.hu/63136/1/hungaro_ruthenica_004_121-129.pdf>
- Петров, Н.И. 1884, *Очерки истории украинской литературы XIX столетия*. Киев: в Тип. И. и А. Давиденко. – <<https://bit.ly/3c96WHH>>
- Lebovics, V. 2002, К вопросу о сатирической образности в творчестве Г. Квитки-Основьяненко (1778–1843). In: Supy, W. (red.), *Satyra w literaturze wschodniosłowiańskiej, 5: Materiały z konferencji*. Białystok: University of Białystok Publishing House, 87–96.
- Lebovics, V. 2008, Az ukrán névadási szokásokról és irodalmi onomasztikáról. In: Hetényi, Zs. (szerk.), *Szóba formált világ: Tanulmánykötet Han Anna habilitált egyetemi docens születésnapjára*. Budapest: ELTE BTK, 186–195.